

УТЕРЯННЫЙ ДОМ

Арад Саркис

16+

Арад Саркис
Утерянный дом

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Арад Саркис

Утерянный дом / Арад Саркис — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Во время и после Кавказской войны (1817—1864) в Российской империи велась активная политика выселения черкесов, в результате чего за пределами России образовалась внушительная по своей численности черкесская диаспора, в то время как на родине осталась лишь горстка представителей этого народа. Семья Мамрэш бежит от солдат в горы, оставив позади родное село, родных людей и родной кров. Надежда остается лишь на старого друга семьи, к которому они и направляются. Однако все оборачивается не так, как они того ожидали.

Содержание

Вместе	6
Конец ознакомительного фрагмента.	9

«Кончив, таким образом, одно славное дело, вам предстоит другое, в моих глазах столь же славное, а в рассуждении прямых польз гораздо важнейшее – усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных»

Николай I, император Всероссийский, 1829 г.

Хасан смотрел вперед уставшим взглядом. Вот уже второй день колонну, состоящую из черкесов, вели в Туапсе, чтобы отправить на кораблях в Самсун, или Стамбул, или еще какой турецкий порт. Каждые несколько часов к колонне присоединялись новые люди со своими детьми, пригоняемые имперскими солдатами из аулов, недалеко от которых вели измученных людей. Иногда это были целые селения, а иногда – несколько семей или же только дети, что каждый раз приводило в безмолвный ужас и отчаяние всех плененных.

Хасан крепко держал Салима, своего десятилетнего сына, за руку, боясь, что тот упадет или упадет от усталости. В этом случае его бы просто убили, чтобы не останавливать всю колонну. Мужчина постоянно пребывал в раздумьях. За все время он лишь несколько раз спросил сына, как он себя чувствует, и, получив удовлетворительный ответ, снова погружался в свои мысли.

Благо, солдаты позволяли ссыльным черкесам брать с собой еду, поэтому голодными дети не оставались. Но про усталость такого не скажешь. Несколько километров назад конвоиры убили семнадцатилетнего парня, который от измождения не смог идти дальше. Несколько мужчин хотели было понести юношу на руках, лишь бы он избежал незавидной участи, но им запретили, а парня застрелили прямо на глазах его матери. Та от горя сошла с ума и накинулась на одного из солдат. Ее тут же расстреляли и бросили тело рядом с мертвым сыном, и караван с пленными черкесами двинулся дальше.

Через некоторое время к пленным черкесам присоединилось две семьи с детьми и стариками. Взглянув на одну из вновь прибывших, высокую девушку лет двадцати пяти с длинными черными волосами, наполовину прикрытыми развязавшимся платком, молочно цвета кожей и нежными чертами лица, Хасан вспомнил свою прекрасную Зару, беременную их третьим ребенком, которого ему не посчастливится увидеть. Он вспомнил торжественную свадьбу, которую устроили их родственники, рождение Салима, их первенца, который теперь покорно шел за ним, крепко ухватившись за отцовскую руку. Сразу же ему на память пришло лицо жены, скованное ужасом, когда, ближе к вечеру, Бай, молодой соседский парень громко забарабанил в дверь, и весь запыхавшийся ввалился в дом чтобы сообщить новость, которая изменила всю их жизнь.

Вместе

Бай поведал, что военные во главе с офицером, то ли Смирновым, то ли Воронцовым, едут в аул, чтобы выселить жителей и погнать их к морю, чтобы затем сослать в чужую им страну.

В ту же минуту парень, извинившись, выбежал и, видимо, направился к следующему дому предупредить о надвигающейся беде. Хасан же, не теряя ни минуты, пошел в комнату дочери и, взяв один из ее платков, завернул в него хлеб, сыр и немного мяса, приготовленного на ужин. А беременная Зара стояла как вкопанная, на лице ее застыли страх и паника. Увидев ее состояние, Хасан подошел к жене, нежно коснулся ладонями ее лица и, произнеся заплетающимся языком что-то вроде «все будет хорошо», усадил ее на скамью у стола, рядом с которым они стояли.

Спустя минуту Зара начала приходить в себя. Хасан нехотя велел ей собрать несколько вещей в дорогу, а сам в спешке направился искать детей.

Через несколько недель Заре предстояло рожать, поэтому Хасан старался помочь ей, чем только мог, волнуясь, что от перенапряжения что-то может случиться с ребенком, но жена не позволяла ему ничего делать по дому, иначе, что сказали бы люди про него? Что Хасан, сын Нануха, один из самых уважаемых людей в округе, жену на голову посадил, а та и не против? Никогда! Для нее это было неприемлемо. Репутация мужа для Зары всегда стояла на первом месте.

Выйдя на улицу, Хасан увидел с детства знакомых ему людей, бегущих, торопящихся, кричащих. Некоторые, уже собрав пару вещей, оставляли свои дома и уходили в неизвестном направлении, ни с кем второпях не попрощавшись. Хасан тогда почувствовал, что вот-вот потеряет самообладание и предастся панике, но все-таки сумел вовремя взять себя в руки.

– Салим! – закричал он, идя по улице, на которой стоял их большой дом. – Мерем!

Дочка выглянула из-за соседского обоза.

– Папа! – прокричала она.

Хасан подбежал к ней и, схватив на руки, устремился обратно.

– Где твой брат, дочка? – спросил он ее в доме.

– Они с мальчишками пошли к речке, – тихо сказала девочка, ухватившись за подол материнского платья.

– Сколько раз ему говорил, чтоб без спросу не ходил к реке! – нахмурил брови Хасан. – Зара, послушай меня. Как только мы вернемся, вы должны быть готовы. Много вещей брать не будем. Только еду и пару овечьих шкур, чтобы вы были в тепле. Поняла меня?

Зара кивнула и принялась готовить дочку, а Хасан метнулся прочь из дома искать сына.

На полпути к реке его остановил Нартан, его троюродный брат и лучший друг. Он был весь на нервах и мотал головой в обе стороны, кого-то высматривая.

– Хасан! Слава Богу! Тебе на глаза не попадался Хэджал?

– Уверен, он у реки с остальными мальчишками, пойдем.

Нартан нахмурил брови, как и Хасан, когда маленькая Мерем сообщила, где ее старший брат. Но мужчина ничего не произнес.

Спускаясь к реке, Хасан и Нартан заметили какое-то странное движение вдалеке со стороны соседнего аула и остановились приглядеться. Солнце уже садилось, наступали сумерки, поэтому мужчины какое-то время не могли понять, что же там происходит. Но внезапно Нартан схватил Хасана за руку и потянул за собой.

– Ищи детей! Это солдаты идут, их полсотни, не меньше! – зрение Нартана с самого детства было такое же острое, как у ястреба, и с годами оно становилось все лучше.

В детстве он мог, стоя на горе, за несколько километров заметить человека и с точностью сказать, кто это, если они были знакомы. Все дивились этому дару, восхищаясь и иногда даже прося Нартана взобраться на гору посмотреть, не идет ли Ильяс, Намит, Емыз или кто еще.

Хасана охватил ужас. Он высвободил руку и побежал вперед.

– Салим! – прокричал он.

– Хэджал! – послышалось справа голос Нартана.

Никакого ответа не последовало.

– Джарым! – раздался позади голос Лалунэ, жены Орзэмэса, нынешнего главы и сына основателя аула Худа Кубата.

Видимо, Орзэмэс пытался успокоить народ, а жена в страхе за сына ринулась искать его, оставив остальных детей дома под присмотром старшей дочери, которой несколько дней назад исполнилось пятнадцать.

– Джарым! – голосила женщина в панике.

Хасан подошел к ней и, пообещав, что непременно найдет ее сына и приведет домой, отправил испуганную женщину обратно к детям.

Тем временем Нартан продолжал звать мальчиков по имени, каждый раз озираясь в сторону, откуда шли имперские солдаты. Времени оставалось не больше двадцати минут.

Солнце село за горизонт и постепенно становилось все темнее и темнее. Нартан с Хасаном потеряли было надежду, что смогут найти детей, как вдруг послышались детские звонкие голоса и гогот.

– А ну сюда идите, негодные мальчишки!

Глаза ребятишек при виде взрослых стали круглыми, и на лицах застыл страх. У каждого из них в голове вертелась мысль, что они вляпались по самые уши и дома получают от родителей нагоняй. Но к их удивлению ни Хасан, ни Нартан не стали их ругать. Нартан лишь приказал всем им живо отправляться прямо по домам. Мальчики, переглянувшись, быстрым темпом устремились в аул.

– Салим, давай быстрее, надо спешить! – сказал Хасан после того, как они отвели Джарыма к матери, как он и обещал Лалунэ.

– Что случилось?

– Сэлэтхэр¹здесь.

– Мы будем защищаться?

– Поздно защищаться, их больше. Шевели ногами, мать с сестрой ждут!

– Пап, прости. Я не должен был уходить...

– Да, не должен был.

Зара и Мерем уже стояли во дворе. Девочка держала в руках платок с завернутой внутри едой, а сбоку у нее висела сумка со свернутой овечьей шкурой. У ног обеспокоенной Зары покоилась вторая шкура, свернутая и перевязанная так, чтобы можно было нести ее как сумку, перекинув веревку через плечо.

Салим моментально стащил с сестры сумку со шкурой, а Хасан взял ту, что лежала на земле.

Выстрел.

Крики.

Солдаты добрались до аула и, видимо, им оказали сопротивление. Хасан хотел было рвануть с места и побежать туда, где стреляли, но опомнился, взглянув на свою семью.

– Живо в горы, пока они не окружили нас! – проревел он.

¹ Сэлэтхэр (кабард.-черк. salat-har) – солдаты.

Хасан прекрасно понимал, что если имперские войска дошли до Кубатей², то аулы севернее уже были покорены, а население угоняют к морю, а теперь настал черед их села, поэтому, как и многие, предпочел спасти семью, чем отдать своих жену и детей на растерзание захватчиков и долгой дороги.

Прошло около шести часов после того, как Хасан с семьей оставили родной аул. Вчетвером они шли и шли, боясь оглянуться назад. В памяти все еще были свежи воспоминания о том, как в них стреляли солдаты, заметив, что они лезут в гору. Чудом ни одна пуля не попала в цель, и семья Мамрэш смогла спастись. Однако Хасану, беременной Заре и двум их детям предстоял еще долгий путь в станицу Баталпашинскую.

Теперь же, холодной сентябрьской ночью, забредя в лес и убедившись, что за ними не гонятся, они нашли удобное местечко и устроились на отдых. Мерем уже несколько часов спала, поэтому Хасан нес ее на руках, завернувшуюся в теплую овечью шкуру. В какой-то момент пришлось отдать ее Заре, потому что недалеко от них загорелись мерцающие огоньки,двигающиеся из стороны в сторону – волки. Опасаясь, что звери нападут на них, Хасан шел прикрыв собой семью, лишь твердя Заре и Салиму, что если вдруг животные побегут, они должны сломя голову добраться до леса, не оглядываясь и не возвращаясь за ним. Жена и сын хотели было что-то возразить, но он велел всем замолчать, и сам умолк тоже.

Так, пройдя около часа, будучи настороже, Хасан с семьей оказались в лесу, в относительной безопасности.

– Даже волки сжалились над нами, несчастными... – сказала тогда Зара дрожащим от холода голосом, когда они устроили привал. – Что же стало с нашими родными, Хасан? Мы все в страхе разбежались и уже не увидимся никогда. Если солдаты дошли до нашего села, значит, вся моя родня в Кэсей хэблэ³ уже пленены или убиты. Теперь и я сирота, Хасан. Ни у одного из нас нет родителей. Как же так случилось? За что мы это заслужили?

Она изливалась горькими слезами, прижимая спящую теплую дочь к груди и дрожа от холодного ветра.

Хасан забрал у нее Мерем, а Салиму велел накинуть на мать вторую шкуру. Зара, опомнившись и немного успокоившись, попыталась настоять, чтобы в нее обернулся сын, но Хасан был непоколебим:

– Ты носишь в себе дитя. Тебе нельзя мерзнуть!

Зара, понимая, что муж прав, не стала дальше препираться.

– Куда мы идем, пап? – внезапно спросила проснувшаяся Мерем.

² Кубатей – аул, ныне носит название «Жако».

³ Кэсей хэблэ (кабард.–черк. «Къэсей хъэблэ») – аул, до 1925 года носил название «Касаевский», ныне известен как Хабез.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.